

АРТИСТ НАЧИНАЕТСЯ С... ПЯТИДЕСЯТИ

— 50 лет — это, конечно, немало. Но все в этом мире относительно. Когда-то нам тридцатилетние казались глубокими старцами, а нынче вроде уже и 50 — не возраст. А как ты себя в нем ощущаешь?

— Двойко. С одной стороны, как будто уже не мальчик, а с другой... В Малом театре всегда считалось, и мне это когда-то говорил Михаил Иванович Царев, что настоящий артист начинается с пятидесяти.

Как любил говорить мхатовские старики, в искусстве только первые тридцать лет трудно, а потом... не легче.

— Ясно, стало быть, самое трудное у тебя впереди. Ну, а если оглянуться назад? Что тебе хочется вспоминать из своей жизни в театре, а что наоборот — хочется забыть? Иными словами, удачи и неудачи?

— Я бы так не делил. Было и то, и другое, но вспоминать хочется все. Ну первое — естественно, а вот неудачи... Если о них не помнить, то это, в общем-то, способ самого себя обкрадывать. Ведь отрицательный результат — это тоже результат. И хотя расхожим стало мнение, что учиться лучше на ошибках чужих, я все-таки считаю, что на своих большему научишься.

А вообще удачей я считаю всю свою творческую биографию. Она не очень гладкая, состоит из многих, на первый взгляд, может быть, лишних движений. Я уходил из театров, возвращался. Были тупики с мучительными поисками выхода, жажда найти своего режиссера... В общем, не скучно. А главное, я все время старался оправдать те большие надежды, которые на меня возлагали мои учителя, начиная с чудесного педагога Дворца пионеров Киевского района Москвы А. Г. Кудашевой — Тинниковой, куда я пришел заниматься во втором классе, и кончая мхатовскими В. Я. Станицыным, В. И. Топорковым, К. Н. Головкин, В. К. Монюковым, выдавшими мне в свое время столько авансов, наверное, не совсем мною заслуженных, что всю свою жизнь я нахожусь под страхом обмануть их ожидания. И каждый раз, когда меня постигала неудача, вот это воспоминание о моих учителях давало мне новые силы.

— То есть можно сказать, что неудачи тебя взбадривают.

— Если хочешь, да.

— Завидуешь. Это ценнейшее качество характера. Слава, сейчас у читателя может возникнуть ощущение, что я беседу с артистом, вся жизнь которого состоит из неудач. Надо обладать очень большой фантазией, чтобы посчитать таковым народного артиста РСФСР Вячеслава Езепова. Твоя творческая судьба в Малом театре складывается, по-моему, очень неплохо.

— Но и непросто. Я ведь начал в Киеве, в Театре Леси Украинки, и это был замечательный период сотрудничества с прекрасным режиссером М. Ю. Резниковичем. Там я сыграл Крылова в «Иду на грозу» по Д. Гранину, Чехова в «Насмешливом моем счастье» Л. Малюгина... Затем волею судеб я оказался в Театре Ленинского комсомола в

Москве, очень недолго, а после был приглашен в Малый театр, в котором проработал шесть лет, и снова уехал в Киев.

— И опять вернулся в Малый.

— Да, думаю, на сей раз навсегда.

— Скажи, а за что ты любишь Малый театр? Я надеюсь, ты его любишь?

— Люблю. Можно сказать, трудной, выстраданной любовью. Когда я четыре года ходил в школу-студию МХАТа мимо Малого театра, мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь буду в нем работать.

А люблю я Малый театр за очень многое, но главным его достоинством считаю абсолютное отсутствие стремления быть модным. Актерское пребывание на сцене в Малом театре всегда честное. Я говорю об актерской школе. Не было в истории Малого периодов, когда манера игры менялась в зависимости

от каких бы то ни было веяний. Ведь как это бывает, сегодня модно на сцене пошептать, завтра — покричать, послезавтра — на голову постоять. Так вот, в Малом никогда такими фокусами не занимались. Для актера здесь существует прекрасная возможность идти в глубь профессии.

— Слава, из разговора с тобой я поняла, что ты из тех актеров, которые не считают профессию режиссера в театре случайной.

— Еще бы! Вся моя жизнь всегда очень зависела от того, удавалось мне найти своего режиссера или нет.

— Судя по афишам последних лет, мне кажется, ты его нашел.

— Да, встреча с Борисом Морозовым для меня одна из самых больших удач. И началась она со спектакля «Леший» А. П. Чехова, в котором я сыграл Илью Ильича Дядина — Вафлю. Назначение меня на эту роль было своего рода экспериментом, и Морозов пошел на него. За мной одно время прочно закрепилось амплуа ну... как бы это сказать, негодяев, что ли. Я без усталости играл и переиграл всех мерзавцев и злодеев в Малом театре. Среди них были и интересные для меня работы — Ганнефельд в «Перед заходом солнца» Гауптмана, и «Филосов» в «Криминальном

танго» Раннета, и Глумов в «Бешеных деньгах» Островского... Но в какой-то момент я понял, что вечно выходить на сцену то с кастетом, то с пистолетом, то с ножом может здорово надоесть. Кстати, я тогда и ушел из Малого. Меня очень угнетало это однообразное использование моих возможностей.

— В таком случае, Морозов с его смелостью и потрясающим умением вытягивать из актера то, что в нем заложено природой, для тебя что-то вроде подарка судьбы.

— Да. И я безумно счастлив, что все это имеет свое продолжение. После Вафли был Юровский в «И аз воздам», и совсем новая работа в премьерном спектакле «Убийство Гонзаго» Йорданова.

— А как у тебя складывались отношения с кинематографом?

— Странно. У меня что-то около сорока картин, но многие из них, причем лучшие, имели несчастливую судьбу. Хотя я начинал с великолепной роли Смоковникова в многосерийной телевизионной картине «Хождение по мукам», снимался еще в одном сериале «Былое и думы» по Герцену... Есть у меня и какая-то популярность, и фотографии мои продаются в киосках, но, повторяю, отношения с кинематографом у меня странные.

— Но все-таки фотографии продаются, наверное, это приятно?

— Понимаешь, дело в том, что у меня дома висят портреты В. Топоркова и Мамонта Дальского — это предки моей жены. В этом плане мне очень повезло, в том смысле, что вешать рядом свои портреты в продолжение этой цепочки было бы по меньшей мере самонадеянным. Это очень помогает ощущать себя в пространстве, понимать, грубо говоря, что ты не первый, не последний и не самый лучший артист на свете. Для артиста очень важно помнить, что в этой профессии есть, были и будут гении. Это дает возможность не слишком себя переоценивать. А когда я выхожу на сцену вместе, например, с Н. А. Анненковым, а мне посчастливилось последнее время играть с этим уникальным мастером сразу в двух спектаклях, так вот рядом с ним я сохраняю замечательную способность оставаться учеником.

— Банальный вопрос сейчас задам, но, взы, от него никогда не деться: твои творческие планы?

— Актеру говорить о своих творческих планах сложно. Сам от себя, от своего желания он не зависит. Сейчас я репетирую в «Деточубийце» Ф. Горенштейна, режиссер спектакля В. Бейлис. Пьесы должна состояться в декабре. Что будет завтра? Не знаю, но надеюсь...

— И последнее. Что-то стало модным среди артистов ругать свою профессию. Все время в различных интервью раздаются стенания, дескать, самая бесправная, уничижительная, ужасная во всех отношениях... Ты любишь свою профессию?

— Да.

С неподлым артистом РСФСР В. И. Езеповым беседовала Ирина КМИТ.